

АЛЛА БОТНИКОВА

ЕЩЕ ОДНА ПОТЕРЯ

Один за другим безвозвратно уходят дорогие люди. Не только сверстники. И более молодые тоже. А ты в долгу, особенно перед последними.

Всегда что-то остается недоговоренным, в чем-то хочется повиниться... Ничего не могу поделать, не желая этого, становлюсь записной плакальщицей. Печальная расплата за сомнительный дар долголетия. И вот теперь еще одна потеря. 22 апреля 2014 года скончалась Женя Таборисская.

Рискну процитировать несколько строк из ее последних писем ко мне. Мне кажется, они дадут представление о пишущем. *11 марта* она написала, что ложится в клинику (До этого о ее болезни мне ничего не было известно): «За меня не тревожьтесь. С меня тут обещали пылинки сдувать... Между делом написала статью о еде в «Онегине», занимаюсь конференциальными делами и даже кое-что делаю по дому...». *14 марта*, не ответив напрямую о том, что с ней, ограничилась присылкой статьи и короткими словами: «После химии я превратилась в натуральную развалину, но надеюсь, что этот этап будет пройден, и останусь живой. К этому письму прикреплен мой доклад на Петербургских чтениях. Мне хотелось бы знать Ваше мнение о нем. Читали вместо меня другие». *16 апреля*: «Мы уже говорили, и в общем все новости обо мне Вы знаете, но скажу о «Разных кушаньях и пробках..», что

должна эта статья быть напечатана в очередном выпуске «Печать и слово СПб» через год, но возможно, я вставлю ее в переиздание «Этюдов на полях пушкинского романа», куда собираюсь вставить напечатанную в этом выпуске «Печати и слова СПб» статью об авторе в ипостаси творца в романе Пушкина и статью об именах в «Е.О.», напечатанную в универсалиях.

Думаю, что книга должна стать интереснее и полнее. Если Бог даст, к осени, м.б., я приеду в Воронеж, и мы с Вами увидимся... И наконец, *21 апреля* в ответ на мои вопросы об «Онегинской энциклопедии»: «Издание справочное и контекстные связи остаются вне издания, а у Пушкина интересны, на мой взгляд, именно они. Поэтому я пытаюсь рассмотреть разные аспекты романа, что Вы знаете по книжке и по добавкам к ней».

Непредставимо, но факт: последнее письмо писалось за несколько часов до кончины! Не знаю, как другие, но я в этих скромных письмах ощущаю такую подлинность личности писавшего, что почти не встречается в нашей повседневности...

Евгения Михайловна Таборисская – доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания и книготорговли Северо-Западного института печати в Петербурге, в прошлом выпускница Воронежского университета. Люди старшего поколения на филологическом факультете помнят ее. Не

Евгения Таборисская –
первокурсница филфака ВГУ.
1961 год

запомнить ее было нельзя. Хотя сама она никогда не стремилась выделиться, нарочито обратить на себя внимание. Неизменно была скромна. Но тем не менее, выделялась знаниями, способностями, добротой.

Я знаю Женю со студенческих лет, была руководителем ее дипломной. В студенческие годы, прилично владея английским, она тянулась к зарубежной литературе, охотно работала в научном студенческом кружке, была инициатором многих интересных начинаний и вообще своим человеком на кафедре. Бывают такие студенты, которые во время учебы, а иногда даже и потом, становятся участниками кафедральной жизни. Мы тогда от имени кружка выпускали стенгазету под названием «От Гомера до Аполлинера». Хорошая была газета. Помимо хроники кружковой жизни, там публиковались сообщения о новых книгах (их тогда выходило не так много), маленькие научные сообщения, переводы стихов и пр. К тому же газета оформлялась очень красиво. Женя была душой этого, впрочем, любимого всеми издания, редактором и автором многих материалов. Она нашла художницу и руководила дизайном. Жаль, что не сохранилось ни одного номера. Сейчас интересно было бы взглянуть на них.

Думаю, что опыт сотрудничества с нашей кафедрой и даже дипломная о Байроне ей в чем-то потом пригодились. Во-первых, позволили ей читать курсы не только по истории русской литературы, но и по зарубежной. Во-вторых, способствовали включению европейского контекста в ее исследования. И наконец, скорее всего, этот опыт был полезен в организации и руководстве научной работой студентов, чем она занималась в Петербурге.

Наша связь никогда не прерывалась. Встречались, переписывались. Став «петербургской дамой», Женя не утратила связей с родным университетом. Регулярно приезжала в ВГУ на конференции, оппонировала на защитах диссертаций, да и свою докторскую «Феномен “самостояния человека” в лирике А.С. Пушкина» она защищала в нашем совете. Словом, оставалась «своей».

Между Воронежем и Петербургом была еще работа в школе на исторической станции Астапово (той самой, где окончились дни Льва Николаевича Толстого), преподавательская деятельность в Борисоглебском пединституте, тесная связь с университетом в Тарту... Нельзя сказать, что судьба была особенно благосклонна к Жене, скорее, напротив. Но в чем-то ей крупно повезло. У истоков ее научной карьеры стояли крупные ученые. В Борисоглебске – Б.О. Корман, в Ленинграде – Б.Ф. Егоров, в Тарту – Ю.М. Лотман.

Природные способности, хорошие учителя и умение учиться сделали Евгению Михайловну Таборисскую серьезным специалистом в своей области. В энциклопедии «Ученые России» среди 14 556 имен значится и ее имя. Главная область ее интересов – русская литература XIX века, в первую очередь – творчество Пушкина. О последнем она написала несколько монографий, начиная с самой ранней – «Лирика Пушкина», до последней – «Этюды на полях пушкинского романа в стихах» (2013), включая совместную с К.Ф. Шафардиной книгу «Творчество Пушкина: два взгляда на пространство и смысл» (2011). У студентов пользуется успехом ее учебное пособие «Литературный процесс» (2003). Кроме того, она автор многих статей на разные темы. К числу научных заслуг Евгении Михайловны надо причислить еще ее работу над ежегодником «Печать и слово Петербурга». Это было ее детище, она выступала не только научным редактором публиковавшихся там материалов, но и их собирателем, привлекала к изданию авторов из разных регионов нашей родины.

Научные исследования Евгении Михайловны по достоинству оценены специалистами. Ее тексты неизменно привлекают четкостью мысли, острой наблюдательностью профессионального филолога, богатством лексики и ясностью изложения. И нет никакого сомнения, что они нашли и еще найдут читателей. Книги и статьи, которые она посылала мне, я всегда читала с интересом и с удовольствием.

И все-таки, пожалуй, не это главное. Так уж повелось, что часто за внешними жизненными достижениями мы не видим самого человека, ценим «успех», а не личность, его достигшую. Применительно к Жене, мне кажется, особенно важно понять и прочувствовать, что ушел из жизни человек редкостного благородства, мужества и просто человеческой надежности. Присутствие таких людей неизменно воздействует на атмосферу. Та естественная доброжелательность, которая была ей свойственна, создавала и вокруг благоприятный климат для общения, располагала к доверительности. В наши дни, когда не только трудно разобраться в том, что происходит, когда в обществе зашкаливает степень раздраженности всех против всех, такие люди, как Евгения Михайловна Таборисская, нужны не меньше свежего воздуха...

А ее с нами нет... Сознывая это, испытываешь острую, ноющую, несмолкающую боль. Как же так? Ведь еще совсем недавно... Непредставимо. И невосполнимо.

Однако пока живем, будем помнить. Это просто необходимо для поддержания человечности в мире. Простите за высокопарность, но о Жене иначе нельзя.